

Елена Хабибулина

"Инастрики" и "тундрюки" в современном русском сленге : деривационный и стилистический аспекты сленговых номинаций иностранцев и провинциалов

Studia Rossica Posnaniensia 35, 27-34

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИНАСТРИКИ И ТУНДРЮКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ СЛЕНГЕ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СЛЕНГОВЫХ НОМИНАЦИЙ ИНОСТРАНЦЕВ И ПРОВИНЦИАЛОВ

ИНАСТРИКИ AND ТУНДРЮКИ IN MODERN RUSSIAN SLANG: DERIVATIONAL AND STYLISTIC ASPECTS OF SLANG NOMINATIONS OF FOREIGNERS AND PROVINCIALS

ЕЛЕНА ХАБИБУЛЛИНА

ABSTRACT. This paper deals with the slang derivations of the modern Russian language, related to the notions of “иностранец”, “инородец”, “провинциал”, “провинция”. Key aspects of the analysis of these language units are the aspects of word formation and the Russian language, due to the permanent extralinguistic factors, there is a large number of expressive ethnonyms. The area of their distribution is the sphere of the various social dialects, hence they get into general use (for example, in colloquial language). Our task is to identify how the derivational features of these formations determine their emotional and expressive color.

Елена Хабибуллина, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань – Россия.

В статье рассматриваются сленговые дериваты современного русского языка, связанные с понятиями „иностранец”, „инородец”, „провинциал”. Основные аспекты анализа этих единиц – аспекты словообразования и стилистики.

Экспрессивные этнонимы (термин А.И. Грищенко и Н.А. Николиной) – одно из тех языковых явлений, которое не может не привлекать внимания лингвистов, наиболее активно исследуется такая разновидность подобных номинаций, как этнофолизмы. В русском языке в силу действия экстралингвистических факторов количество экспрессивных этнонимов достаточно велико, сферой их распространения, как правило, является сфера различных социальных диалектов, отсюда они проникают в общее употребление (например, в городское просторечие). А.И. Грищенко в рамках сравнительно-сопоставительного исследования русских и английских экспрессивных этнонимов эти лексемы были рассмотрены в этимологическом, мотивационном и деривационном аспектах, при этом, в частности, проанализированы образования, созданные в результате усечения с суффиксацией. Другие способы морфемной деривации рассматриваются не столь детально, отмечается лишь большее разнообразие русских суффиксальных производных сравнительно с англий-

скими. Материал здесь был собран из разных источников: разговорная речь, жаргоны, аргю.

Мы обратились к сленговому материалу, чтобы выявить характерные особенности экспрессивных этнонимов, здесь бытующих. Сленг включает единицы, генетически восходящие к аргю и жаргонам, но отличается от последних высоким уровнем эмоциональности, активностью языковой игры. Нашей задачей было выявить, как деривационные особенности данных образований определяют их эмоционально-экспрессивную окраску. Сленг – это явление, с которым так или иначе сталкивается, пожалуй, каждый студент, получающий очное образование. Характерное для молодого человека стремление самоутвердиться может проявляться в демонстрации превосходства по отношению к другим, в том числе и средствами языка. Употребление сленговых слов, использующихся для обозначения лиц по национальной принадлежности, по месту жительства, позволяет молодому человеку реализовать это стремление благодаря оценочности и экспрессивности, которые присущи этим словам. Проследим, какие способы деривации наиболее активно задействованы при создании сленговых экспрессивных этнонимов.

Безусловно, наиболее привычны для носителей языка эмоционально-экспрессивно окрашенные суффиксальные дериваты, созданные с помощью суффиксов субъективной оценки, среди них производные с семантикой уменьшительности и увеличительности. Группа этих слов в сленге достаточно представительна: *инастрик*, *азик* – ‘азербайджанец’, *армяшка*, *саддамка* – ‘об иракцах, жителях аравийского полуострова’, *хачапурик* – ‘кавказец’; *вьетнамон*, *итальяха*, *негрила*, *шведюк*, *еврюга*. Существительные, образованные с помощью суффиксов с собирательным значением, например, *хачье* – ‘южане, кавказцы’, обычно характеризуются негативной экспрессией. То же можно сказать о дериватах, в создании которых участвует элемент *-оид*, например *чеченоид* – ‘чеченец’ (ср. *ельциноид*, *алконоид*, *клизмоид*), элемент *-навт*, например *элканавт* ‘лицо кавказской национальности’ (от шуточной аббревиатуры ЛКН).

Суффикс *-ец* активно используется при образовании стилистически нейтральных этнонимов в литературном языке, но если в качестве мотивирующего слова выступает не существительное-название страны, возможно появление слова, имеющего ироническую окраску, например *аллорец* (от *allora*) – ‘итальянец’, *бундесраниец* – ‘немец’, *чуркестанец* – ‘южанин, азиат’, *евреец* – ‘еврей’ (в последнем случае иронии способствует плеонастичность, так как мотивирующее слово само является этнонимом).

Существует определенная избыточность, когда от одной и той же основы образуются дериваты с разными суффиксами. Так, от *allora* образуются три деривата для обозначения итальянца-мужчины: *аллорец*, *аллорник*, *аллерик*. Суффиксы *-ник* и *-ик* в современном русском языке при образовании этнонимов не используются, так что экспрессивные этнонимы, образованные с их участием, имеют подчеркнuto ироническую окраску. Повышенная степень

эмоциональности как отличительная черта сленговой речи отражается в тех случаях, когда в качестве производящей основы используется субстандартное слово. Ярким примером этого является словообразовательная цепочка *еврей* → *еврюга* → *еврюжник*.

В разговорной речи распространены названия лиц, образованные с помощью суффикса *-ник* от имен с предметным значением, часто они выражают ироническое отношение говорящего к называемому. В *Толковом словаре русского сленга* мы обнаруживаем лексемы *халатник*, *шароварник*, они являются синонимами и выступают в обобщенном значении ‘азиат’, в контексте непосредственного общения они могут конкретизировать свою семантику и указывать на определенную национальность (узбек, таджик и т.д.). На наш взгляд, у этих лексем весьма велика вероятность функционирования не только в сленге, но и в разговорной речи, так как по эмоционально-экспрессивной окраске они мало отличаются от разговорного слова *макаронник*.

Проводя количественное сравнение суффиксальных экспрессивных этнонимов в сленге и в арго преступников, мы можем констатировать, что суффиксация для этой группы лексики больше востребована в сленге (соотношение примерно 3:1).

Экспрессивность сленговых псевдоэтнонимов может быть основана на каламбурном начале. Выразительность дериватов *финик* (финн + финик) – ‘финн’, *щурята* (щуриться + щурята) – ‘азиаты’, *енот* (иена + енот) – ‘японец’ может базироваться на каламбурном созвучии со словами литературного языка. Как каламбурный контаминационный дериват можно рассмотреть и уже упоминавшееся выше *бундесранец* (бундесрат + засранец). Контаминационное словообразование в сленге активно реализует каламбур, весьма часто являющийся, как известно, основой анекдота; именно из анекдота в сленг вошло образование *абрамутан* – ‘еврей’ (Абрам + орангутан); в данном случае пародируется антропоним. Контаминация, не основанная на каламбуре, – явление значительно более редкое в сленге; нами обнаружен единственный пример – *макачи* (макаки + апачи) – ‘негры’, ‘индусы’.

Каламбурная пародия антропонима – достаточно частотное явление среди экспрессивных номинаций лица по этнической принадлежности. Такие образования могут создаваться путем сращения: *абстулзадомбей* – ‘гурок’, *атомулия-далато* – ‘грузин, грузинка’, *сутрапьян* – ‘армянин’, *взадстамеску* – ‘румын’. Пародия на антропоним может строиться на шутовском переразложении слова: *рук о’блуд* – ‘ирландец’. В современном сленге встречаются такие словообразовательные форманты, у которых нет аналогов в литературном языке. Примером являются номинации, образованные путем присоединения к производящей основе финали, распространенной в национальных фамилиях, например, *шимпанидзе* – ‘грузин’, *совокупляйтис* – ‘прибалт, литовец’.

Не основанные на каламбуре псевдоэтнонимы, образованные способом сращения и сложения, стилистически окрашены либо в силу функционально-стилистической маркированности производящих основ (*черножопый* – ‘ази-

ат, кавказец', *черномазый* – с тем же значением), либо в силу негативной семантики основы (*спидоносец* – 'иностранец').

Как свидетельствует наш материал, большинство используемых в сленге наименований лица по национальности представляют собой отражение какого-либо стереотипа. Есть примеры стереотипного использования прецедентных имен в качестве производящей основы морфемного деривата: *саддамка*. На базе стереотипов и прецедентных феноменов возможно появление сращений: *кимирсен* 'северный кореец', субстантиватов: *лавровый* 'грузин, кавказец' (ср. лавровый лист – один из товаров, традиционно реализуемых кавказцами на городских рынках); неоднословных номинаций: *из-под обломков* 'армяне' (номинация основана на прецедентной ситуации – землетрясении в Армении), *только что с дерева слез* 'о представителе какой-либо развивающейся страны (обычно о негре, азиатке) или о жителе Кавказа, Средней Азии' (в основе номинации лежит примитивное понимание эволюционной теории Дарвина).

Ярче всего феномен восприятия другой национальности через стереотипы отражен в группе сленговых этнонимов, представляющих собой результат семантической деривации. Эта группа самая многочисленная, так как метафорические и метонимические переносы – одна из характернейших черт сленговой речи. Среди производящих основ для семантических дериватов, основанных на стереотипах, есть имена собственные, причем более „представительным” оказывается пласт имен с общей семьей „еврей”: *Абрам, Сарра, Рабинович, Цукерман, Хая*; из подобных образований для других национальностей здесь представлены только слова *каратет* 'армянин', *мамед* 'кавказец, азиат' и *хабибуллин* 'татарин'. Иронические этнонимы со значением 'еврей' нередко строятся на основе сходства конечного элемента нормативной лексемы с типичным элементом, представленным в национальных фамилиях: *шлагбаум, айсберг, дизайнер*.

Отметим, что в сленге есть интересные образования, которые представляют собой результат сложного семантического переноса: *аэродром* в разговорной речи употребляется в значении 'большая кепка'; от этого семантического деривата, основанного на метафорическом переносе, образуется по метонимическому переносу сленговое наименование со значением 'грузин'. Известен сорт конфет из темного шоколада, получивших метафорическое название *трюфель*, от него на основе метафоры образуется сленговое обозначение негра, оно оказывается в одном синонимическом ряду со сленговыми экспрессивными этнонимами той же семантики: *шоколад, сникерс*.

Одним из способов пополнения жаргонной лексики является *заимствование*. В сленге примеры заимствований в исследуемой группе слов также встречаются. Наряду со словами *инострань* и *инастрик* в сленге функционирует заимствование *форин*. Иногда использование заимствования позволяет избежать омонимии, например, в значении 'негр' употребляется слово *блэк*, так как русское *черный* стало многозначным, под этим наименованием может подразумеваться „кавказец”, „армянин”, „азиат” и т.д.

Исследователи, занимающиеся изучением экспрессивных этнонимов и этнофолизмов в русском языке, отметили, что одним из весьма продуктивных способов их производства является усечение. Этот способ в принципе востребован в социолектах вследствие особой экспрессии, свойственной дериватам-усечениям. Как показывает анализ сленгизмов-замствований, большинство из них представляют одно-двусложные слова: *бритиш*, *серум* (армянин), *стейт-сы* (американцы), *френч* (француз), *юкс* (финн) и др., не являясь усечениями, они по краткости звучания уподобляются таковым.

Мы не даем подробного анализа признаков-стереотипов, на которых строятся метафорический или метонимический переносы, так как об этом говорили другие исследователи. В целом, сравнивая перечень признаков, на которых базируются сленговые экспрессивные этнонимы, мы можем говорить, что практически не востребованы такие параметры, как типичная профессиональная деятельность, национальное блюдо, но в остальном особых отличий нет – здесь и названия типичной одежды (уже упоминавшиеся *халатник*, *шароварник*), и уподобление человека животному (*енот*, *шимпанидзе*, *зверь*, *абрамуганг*, *сайгак*), по цвету волос, кожи (*чумазые*, *желток*), по запоминающимся чертам внешности (*носорог*, *пейсик*), по культурно-историческим реалиям (*мамлюк*, *самурай*, *басмач*, *абрек*).

В сленге, как и в других социолектах, экспрессивные этнонимы редко появляются для обозначения лиц женского пола, примеры единичны: *Сара*, *Хая*, *аллорка*, *шоколадка*. Причины этого четко не определяются, но можно предположить, что женщины реже оказываются вовлечены в конфликтные ситуации, на них не направлена негативная экспрессия, а значит, нет необходимости в производстве дериватов женского рода. В сленге существует лексема *спидоносец*, имеющая значения ‘иностранец’, ‘негр’. Образование *спидоноска*, вопреки ожиданиям, не называет лицо женского пола по мужскому, его лексическое значение ‘валютная проститутка’.

В социолектах возможны случаи, когда экспрессивный этноним мотивируется этнонимом узуальным, в сленге такие случаи не частотны: *чех* ‘чеченец’, *француз* ‘еврей’, *команчи* ‘кавказцы’. Создание этих номинаций может быть вызвано эвфемистическими намерениями, но такая замена может свидетельствовать и об отношении к называемому: отказываясь от нормативного этнонима, говорящий иронизирует над его носителями, выделяя какую-либо характерную черту. Вероятно, номинация *француз* обыгрывает картавость, как приписываемую евреям особенность дикции; отметим, что существует арготическое *товаец* с тем же значением, пародирующее картавое произношение. В случае с дериватом *команчи*, очевидно, реализуются следующие представления о кавказцах: „нецивилизованные”, „агрессивные”.

Отметим тот факт, что экспрессивные этнонимы, выявленные нами в словарях сленга, отличаются меньшим разнообразием лексических значений сравнительно с лексемами той же группы в арго. В каждом регионе оппозиция „свой – чужой” отличается составом „участников”, поэтому в местной мо-

лодежной речи можно найти то, что словарями не фиксируется. Неизменным остается включение в эту оппозицию кавказцев, представителей Закавказья, азиатов. Как правило, использующиеся при этом слова представлены и в арго, они фактически уже входят в просторечие. Интересно, что от литературных этнонимов в сленге образуются глаголы, использующиеся для обозначения поведения человека, усиленно, даже назойливо ухаживающего за девушками: *пригрузиниваться, приармяниваться*. Многие национальности в сленге специальных номинаций не получают, при этом их литературные названия переосмысливаются и используются для уничижительного обозначения человека с низким уровнем интеллекта: *тунгус, турка, удмурт, чукча*.

Нами был проведен опрос, целью которого являлось выяснить, значения каких экспрессивных этнонимов понятны студентам-филологам ТГПУ, какие из этих единиц они регулярно включают в свою речь. В исследовании принимали участие 30 студентов (2 и 5 курс). Безошибочно они определили значения относительно небольшого количества слов: *чурка, хач, азер, черномазый* (и подобных), *мавр, абрам, мумба-юмба*. Выделенные слова регулярно включаются ими в речь; во многих случаях они либо давали варианты, отличавшиеся от словарных значений (*чехи* – ‘чехи’, *сутрапьян* – ‘русский’, *шароварник* – ‘немец’, *халатник* – ‘китаец’), либо вообще не могли дать толкование (*чурек, форин, юсник, лавровый лист, айсберг, ара*). Владение сленговой лексикой в этой группе опрошенных достаточно ограничено: половина студентов приехали на учебу из сельской местности, половина по национальной принадлежности – татары. Особых отличий в их ответах не было, количество правильных ответов студентов пятого курса не отличалось от количества правильных ответов второкурсников, таким образом, динамики в освоении сленговых экспрессивных этнонимов не наблюдается. Итак, набор экспрессивных этнонимов оказался весьма ограниченным. Но говорить о том, что причина в толерантности по национальному признаку, не приходится – экспрессия выделенных номинаций явно негативная. Очевидно, в данном случае мы имеем дело с единицами, входящими уже в состав не столько сленга, сколько просторечия, и студенты пользуются не сленгом, а просторечием.

Наименования лиц с общим значением ‘провинциал’ в словарях сленга менее разнообразны. Реализуются лишь отдельные возможности русского языка. Так, здесь достаточно редки случаи суффиксальной деривации – *тундрюк* (образуется словообразовательная цепочка: *тундра* → *тундра* ‘провинция’ → *тундрюк* ‘житель провинции, сельской местности’), как и случаи контаминации – *чундра* (*чудак* + *тундра*). В основном мы имеем дело с семантической деривацией, основанной на метонимическом переносе: *тюмень* (по названию города), *сельпо* (по детали провинциальной жизни). Ряд образований: *тундра, сельпо, тюмень, село*, а также неоднословное *из полей* – одинаково могут использоваться для обозначения как одного человека, так и группы лиц. Эти дериваты должны воплощать безликость, серость, отсутствие ярких индивидуальных черт, якобы присущих провинциалам и жителям сельской местно-

сти, по мнению жителей столицы и крупных городов. В данном случае можно говорить о подчеркнутой иронии, даже презрении говорящих по отношению к называемому.

В разговорной речи часть слов со значением ‘провинциал(-ка)’ произведены от антропонимов: *Маша, Фрося, Дунька, Ваня, Леха*. Для сленга этот признак не актуален, причины, по которым не появляются новые сленговые образования такого характера, прежде всего, в том, что количество типичных „деревенских” имен в сознании среднестатистического носителя языка ограничено вышперечисленными примерами, а кроме того, временами в среде городских жителей возобновляется мода на „простые” имена, что препятствует ироническому отношению.

Не актуален и другой признак, по которому житель провинции именуется в разговорной речи, – типичный элемент одежды. Таковы разговорные *лапоть, сапог, плюшка* (плюшевое полупальто – заметная деталь костюма провинциалок, приезжавших в Москву за покупками).

В сленге больше вероятности встретить случаи, когда значение ‘провинциал’ реализуется через предложную форму **из + название населенного пункта (местности)**, причем используются разнообразные варианты – реально существующие названия и производные от них: *Конотоп, Урютинск, Криво-рожье*, а также вымышленные: *Ветродуйск, Мухосранск, Зажопинск, Пындровка, Пиздрыгайловка*. В первом случае параметром, по которому выбирается населенный пункт, является удаленность от столицы и малые размеры. Во втором случае источником экспрессивности становятся стилистическая маркированность элементов сложного слова, проекция деривата на обценное слово или его подчеркнутое неблагозвучие.

Отметим, что сленговые номинации провинциалов могут использоваться в рамках оппозиций „город – деревня”, „столица – провинция”, „крупный город – маленький городок”. В арго те же лексемы используются преимущественно для презрительного обозначения жителей сельской местности: *Дунька* – ‘глупая деревенская девушка’, *Васек* – ‘колхозник’ (ср. также *Вася из деревни Мудашки*), *Пантелей* – ‘житель сельской местности’ и т.д. (для арго преступников именование понятия „провинциал” является неактуальным). Более актуальной для деклассированных элементов оказывается противопоставление „преступник – законопослушный человек”. В рамках этой оппозиции мы увидели следующую особенность: для номинации лиц городского происхождения, подвергающихся преступным действиям, специальных обозначений нет, но существует группа слов, объединенных общей семой „житель сельской местности”, причем каждое из них сопровождается дополнительной коннотацией, разумеется, отрицательной: „глупый человек”, напр.: *Пантелей, Касьян, лапоть, рог, мужик, крестьянин, грак, дубак* (от „дуб” – ‘глупый человек’) и др.

Очевидно, это отголоски более давних времен, когда переселение крестьян в надежде на заработки в города способствовало увеличению числа де-

классированных элементов. В их среде вырабатывалось презрительно-негативное отношение к крестьянству. Показательно, что впоследствии лексема „мужик” перестала указывать на происхождение человека, но употреблялась уже только как характеристика, называя заключенного, добросовестно работающего в ИТУ.

Подводя итоги анализа двух групп сленговой лексики, мы вновь убедились в том, что сленг – явление достаточно сложное, взаимодействующее с жаргонами и арго, но отличающееся характерными чертами. Главная из них – подчеркнутое стремление к экспрессивности и эмоциональности номинации. Так же, как арготизмы и жаргонизмы, сленговые лексемы могут входить в просторечное употребление, но перейти из сленга в просторечие больше шансов имеют те слова, в которых экспрессия сопряжена с негативной оценочностью, и те, в составе которых есть стилистически маркированные словообразовательные элементы. Использование языковой игры при образовании деривата может стать препятствием на этом пути, так как на первый план выходит выразительность, а не оценочность.

Л и т е р а т у р а

- Вальтер Х., Мокиенко В.М., *Большой словарь русских прозвищ*, Москва 2007.
- Грачев М.А., *Новое в молодежном жаргоне*, „Русский язык в школе” 2005, № 4, с. 80–82.
- Грачев М.А., *Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений*, Москва 2003.
- Грищенко А.И., *Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты*, [в:] *Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николенко и Ю.П. Солодуба (МГПУ)*, Москва–Ярославль 2007, с. 40–52.
- Довгополый Я., *Этнофолизмы как прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой*, „Acta Neophilologica: Rocznik Naukowy Instytutu Neofilologii Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego” 2006, nr VIII.
- Елистратов В.С., *Толковый словарь русского сленга*, Москва 2005.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.М., *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург 2000.
- Никитина Т.М., *Молодежный сленг: толковый словарь*, Москва 2003.
- Распопова Т.А., *О демаркации понятий „арго”, „жаргон”, „сленг”*, [в:] *Социальные варианты языка – VI: материалы Международной научной конференции 16–17 апреля 2009 г., Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова*, Нижний Новгород 2009, с. 270–274.
- Химик В.В., *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург 2004.